

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Не говори об этом мужу / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-108315-1

Полковник МВД Гуров участвует в задержании преступника, пытавшегося ограбить на улице женщину. У задержанного — особая примета: татуировка в виде крылатого змея, кусающего себя за хвост. Точно такая же, со слов потерпевшей, была у брачного афериста, который сначала завел с ней роман, а потом снял с ее счета все деньги и скрылся. Но это не он напал на нее на улице... Выходит, есть некто с такой же татуировкой, кто под маской влюбленного грабит доверчивых простушек. Черда последующих афер подтвердила эту версию следствия. Гуров уже догадывается, где искать преступника, но еще не знает, чем обернется предстоящая схватка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108315-1

© Макеев А.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

В этот детский дом в ближнем Подмосковье актеры театра ездили со своими шефскими концертами вот уже несколько лет. Иногда два, иногда три раза в год. Собирались энтузиасты и ехали читать стихи, петь, рассказывать смешные или красивые романтические истории. Вообще-то концертом это трудно назвать, скорее дружеские посиделки взрослых добрых дядей и тетей с детишками, которым очень не хватает общения именно со взрослыми, не хватает именно взрослого внимания, симпатий, улыбок, теплых добрых рук, треплющих их по вихрам. Те из актеров, кто съездил на такие посиделки впервые, потом уже не могли не ездить постоянно. Эти детские глаза невозможно было забыть. Они смотрели из самой глубины одинокой брошенной души в душу взрослого человека и все там переворачивали.

Нет, это не брошенные души, думал Гуров, глядя из окна такси на пролетающие мимо дома, дворы пригородных поселков. Эти дети не брошенные, несмотря на то что у них нет мам и пап. В этом детском доме работали удивительные женщины! Столько тепла, сострадания, столько желания отдать всю себя этим детям поражало. Лев не жалел, что поехал с Машей. Это был прекрасный выходной. Чистый и светлый, как детские души.

Такси остановилось у железнодорожного переезда на краю поселка. Водитель тактично вышел покурить. Было душновато, и Лев открыл дверь, чтобы впустить в салон немного свежего воздуха. Резкое движение справа, у крайних двухэтажных домиков, привлекло его внимание. Какой-то парень в синей толстовке ударил по голове девушку, вырвал из ее рук сумочку и скрылся за углом. Девушка рухнула на землю как подкошенная.

— Ах ты! — чуть ли не с рычанием выскочил он из машины и бросился к домам.

За спиной что-то крикнула Маша, но Гуров не разобрал. Он перепрыгнул через кювет и бежал, глядя только на девушку. Почему она не шевелится? Неужели парень ее убил? Вот урод! И, как назло, ни одной

живой души вокруг: ни у подъездов домов, ни на улице. Вымерли, что ли, они тут все? Старенькие кирпичные дома равнодушно взирали на происходящее через пыльные стекла окон. Запущенные палисадники, растрескавшийся асфальт, редкие измученные деревья с обломанными обильными снегопадами ветвями. Все это дышало какой-то неустроенностью, апатией, равнодушием.

Девушка была жива. Он это понял, когда до лежавшего на земле тела оставалось всего несколько шагов. Ей было лет двадцать пять или тридцать. Опрятное открытое платье, аккуратная стрижка, ноготочки ухоженные. Девушка закрывала лицо руками под растрепанными волосами и рыдала. В голос, с болью отчаяния, с полной безысходностью. И лежала она на земле, видимо, не потому, что не могла встать или была серьезно ранена. Она не хотела вставать: что-то у нее случилось такое, отчего ей было уже все равно.

— Жива? — быстро спросил Гуров, присев возле девушки на корточки и озираясь по сторонам.

Так, с одной стороны поселка железнодорожная насыпь, небольшой участок поля, а потом лесополоса и шоссе. Грабитель туда

не побежит, там он как на ладони, его даже на машине догнать можно. Не совсем же он идиот! Направо, в центр? Там магазины, наверняка и участковый пункт, а он с дамской сумочкой в руках. Нет, он должен убежать в малолюдное место, где можно сумку выпотрошить, забрать самое ценное, а от остального избавиться. Значит, вон туда, за крайние дома, где виднеется здание котельной, трубы теплотрассы.

Сзади раздался топот. К нему спешили двое полицейских, видимо, из стоявшего на шоссе «уазика». Следом за полицейскими, к большому неудовольствию Гурова, придерживая подол длинного платья, торопливо шла Маша с какой-то незнакомой женщиной.

— Как она? — спросил на бегу один из подбежавших полицейских. — Что с ней?

— Вероятно, просто ушиб. — Лев поднялся на ноги. — Он побежал, я думаю, вон туда!

Полицейские переглянулись и, не сговариваясь, разделились. Один направился прямо к котельной, второй стал огибать стоявший на пути дом справа, чтобы отрезать преступнику путь к центру поселка. Гуров мысленно одобрил действия коллег и двинулся за ними.

И тут на глаза ему попала небольшая лужа, оставшаяся после недавнего дождя на открытом участке почвы, на котором темнел свежий отпечаток передней части подошвы ботинка. Он остановился. А ведь на грабителе были не кроссовки! Точно, обувь была темная, и Лев еще подумал, что одет парень небедно. И толстовка на нем приличная, и джинсы не с рыночного развала, а из бутика. Да, на ногах у него были ботинки. Паренек стильно и по-современному одет, это не местный гопник в черном тренировочном костюме и грязных стоптанных кроссовках. Вот, зауженный носок, тонкая подошва.

И где он мог спрятаться? Через железную дорогу парень не перебежал — его было бы видно, не успел бы он достичь лесополосы. Значит, вот где-то здесь, за этими старыми бетонными конструкциями, оставшимися после демонтажа какого-то строения. Дурак, сам себя в угол загнал, в ловушку! Точно не местный! Гуров собрался было взобраться на ближайшую конструкцию и осмотреться сверху, но тут сбоку метнулась человеческая фигура.

Реакция не подвела сыщика. Он отступил в сторону, выставляя перед собой руку. Запястье с ножом ударилось ему в предпле-

чье, но перехватить вооруженную руку грабителя Лев не успел. Предательски хрустнул под ногой край бетонной конструкции, изъеденной ветрами и дождями. Он потерял равновесие, взмахнул руками, и в этот момент парень в синей толстовке ткнул его ножом. Но это же падение, которое помешало обезоружить преступника, спасло ему жизнь.

Гуров рухнул вниз, соскользнув с бетонной плиты и успев схватить грабителя за штанину. Вдвоем они полетели на траву. Парень вскрикнул, теряя нож и ударившись коленом о край плиты. Лев навалился на него, выкручивая руку за спину и отпихивая ногой в сторону нож с окровавленным лезвием. Черт, почему все лезвие в крови? Парень ведь всего лишь слегка задел его, удивился он, но тут же почувствовал, что рубашка на левом боку стала влажной и липкой.

Подбежавшие полицейские подняли задержанного, звонко щелкнули на его запястьях наручники. Гуров стал подниматься, но тут голова у него закружилась, и он ухватился за чью-то руку.

— Что с тобой? — раздался рядом взволнованный голос жены. — Боже, да у тебя кровь!

Кто-то стал кричать, чтобы принесли аптечку, кто-то предлагал зажать рану. Гуров пытался улыбаться, говорил, что все нормально — царапина просто, но перед глазами у него уже немного плыло. Маша была рядом и крепко держала его под руку. Голос у нее стал спокойным и даже каким-то твердым:

— Все хорошо! Мы справимся! Держись!

Льву стало немного не по себе. Когда Маша начинала говорить таким тоном, то в ее понимании ситуация была очень серьезной. Она умела собираться и брать себя в руки. Ну, в ее руках я не пропаду, с улыбкой подумал Лев и потерял сознание.

Капля за каплей в перевернутом прозрачном пузырьке над головой. Рука на спице, где из вены торчала игла, чесалась неизменно, Гуров отвернулся от капельницы, но на стене ничего интересного не было. Почему они не поставили кровать так, чтобы было видно окно? И телевизора в палате нет. И соседа никакого. Это уж Маша и Станислав подсустились, а может, и Петр с ними в стоворе. Скинулись и положили его в отдельную платную палату. Комфортно, но скучно же.

После ранения и операции Лев проспал всю ночь и проснулся только на рас­свете. Чувствовал он себя довольно хоро­шо, только немного ныл бок и дико чеса­лась рука. От этих неудобств деваться было абсолютно некуда, оставалось только вор­чать и исходить недовольством в полном одиночестве. Наконец, в коридоре послы­шались шаги, запахнулась белая дверь, и в палату по-хозяйски вошла изящная светловолосая женщина лет тридцати с ми­лыми ямочками на щеках. Синий меди­цинский костюм выгодно подчеркивал ее фи­гуру.

— Доброе утро! — приветливо сказала она, посмотрела на капельницу, а потом, придвинув стул к кровати, уселась возле па­циента и очаровательно улыбнулась.

— Ну, как ваше самочувствие?

— Нормальное, — ответил Гуров, но вместо бодрого ответа из его горла вырвал­ся хриплый звук.

— Ну до нормального еще далекова­то, — покачала головой доктор. — Но ор­ганизм у вас сильный, поэтому и прогнозы у меня на ваш счет вполне позитивные. Да­вайте знакомиться. Меня зовут Ольга Мак­симовна, я ваш лечащий врач, и вам нужно ■ меня слушаться, товарищ полковник.

— Очень приятно, — вздохнул Лев. — Скажите, а нельзя ли...

— Нельзя, — прервала его Ольга Максимовна, доставая из нагрудного кармашка градусник. — Можно только предписанное мной и постельный режим с калорийным питанием и полным покоем. А сейчас измерьте температуру.

Гуров послушно зажал градусник под мышкой. Кончилась вольная жизнь казака, подумал он с усмешкой. Ох залечит она меня, ох замучит процедурами.

— Скажите, а когда здесь у вас кормят? — неожиданно спросил он и тут на самом деле почувствовал, что у него пробудился дикий аппетит.

— Хороший признак, — с уважением отметила доктор, вынимая из-под руки пациента градусник и глядя на показания. — Ну а с температурой у нас пока плоховато, хотя в вашем случае это объяснимо. Не будем делать выводов, Лев Иванович. Будем наблюдаться, лечиться! Сегодня у вас питание скудное, но высококалорийное. И таблеточки, и микстурки. Вы же будете все принимать по предписанию? Не будете шалить? Сейчас я ваш начальник, я ваш полковник, а вы рядовой моей армии пациентов!

— О да, конечно! — улыбнулся Гуров, помолчал немного, а потом уже серьезно спросил: — А все-таки, не щадя меня, сильно он меня ранил ножом?

— Вы потеряли много крови. И рана глубокая. Но жизненно важные органы не задеты.

Врач ушла, и для Гурова потянулись долгие часы полного бездействия, заполненные приемом больничной пищи, лекарств, измерением температуры. День был очень длинным, просто нескончаемым. Он с ужасом подумал, что так ему предстоит провести еще несколько дней. Телефон? Телефона нет, возможно, и звонить здесь не разрешают, вздохнул Лев и погрузился в послеобеденный сон. Сон был каким-то пресным, скучным. Он тянулся, тянулся, а потом вдруг в нем раздался голос:

— Проходите, только видите, он уснул.

— Ничего, — ответил во сне голос Маши. — Я просто посижу с ним рядом.

Лев тут же открыл глаза и увидел жену. На ее плечи был наброшен белый халат, в руках она держала пакеты, а на ее глазах наворачивались слезы.

— Машенька, ты что? Ты плачешь?

— Нет, — отмахнулась она и вытерла слезы рукой. — Просто... Просто я вчера

так испугалась, когда увидела, что ты весь в крови. Но теперь все хорошо, врачи сказали, что нет никакой угрозы. Нужно просто лежать, пить лекарства и поправляться.

Маша говорила и говорила, заодно выкладывая из пакетов фрукты, домашние пирожки с мясом, коробочки с натуральным соком. Но самой большой радостью был мобильный телефон, который она принесла. Гуров смотрел на жену и думал, что в больнице не так уж и плохо иногда полежать. Ни тебе беспокойства, ни проблем на работе, ни напряжения нервов и бессонных ночей. Ничего, только есть и спать. И видеть каждый день Машу с ее хлопотами. Разговаривать с ней и час, и два, и даже больше. Но у нее сегодня спектакль, и она, вздохнув, поцеловала мужа в щеку и поднялась.

— Веди себя хорошо. Пей лекарства, слушайся доктора, а я завтра тебя навещу.

Маша ушла, Гуров еще долго смотрел на дверь, за которой она скрылась, и вдруг перед глазами всплыла татуировка на руке грабителя, который ударил его ножом. Когда они вместе свалились с бетонной плиты, а потом Лев, завернув левую руку за спину, надевал наручники, у того задрался рукав толстовки, и мельк-